

УДК 343.2

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ОТ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА ДО СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Лысенко Вадим Сергеевич

Соискатель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, ФГБОУ ВО «КубГУ»,
Краснодар

В статье рассматривается процесс исторического развития положений российского уголовного права в части правовой регламентации института иных мер уголовно-правового характера. В ходе изучения значительного количества трудов представителей отечественных уголовно-правовой и историко-правовой доктрин, а также текстов памятников отечественного права автор приходит к выводу о диахронном формировании и развитии структурных элементов анализируемого института, что объясняется различиями в приоритетных направлениях уголовно-правовой политики на различных этапах исторического развития России. Как показал ретроспективный анализ российского уголовного права, к началу XX в. отдельные подинституты, входящие в состав иных мер уголовно-правового характера, были сформированы и внедрены в правоприменительную практику, а некоторые из ныне существующих исторически выступали лишь в качестве разновидности наказания, что является почвой для размышлений относительно обоснованности их местонахождения в системе Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: конфискация имущества, судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, ретроспективный анализ.

Важным этапом любого научного исследования является ретроспективный анализ изучаемого объекта, позволяя проследить процесс генезиса такового, определить его природу и содержание.

Прообраз конфискации имущества появился в истории уголовного права России в Древнерусском государстве (в Русской Правде) [1, с. 30; 2, с. 33; 3, с. 71; 4, с. 109; 5, с. 29; 6, с. 137; 7, с. 73]. Представлен он был таким наказанием, как поток и разграбление. Последнее заключалось в конфискации имущества, а также превращении в холопов жены и детей виновного [8, с. 87]. Дальнейшее законодательство не содержало положений о конфискации имущества. Судебник 1497 г. [9] регламентировал изъятие имущества у виновного, не раскрывая содержания такового. Является спорным вопрос определения его правовой природы. Одни ученые усматривают в подобном изъятии наказание [4, с. 109; 5, с. 29; 6, с. 137; 10, с. 113-114], другие – институт возмещения судебных расходов [3, с. 71; 11, с. 80], о чем свидетельствуют ст. 7, 8, 11, 12, 13. Принятие в 1550 г. нового Судебника не привнесло изменений в правовую регламентацию конфискации имущества. Анализ ст. 52, 55, 56, 59, 60 Судебника 1550 г. [12] показывает, что изъятие имущества виновного лица обладало признаками гражданско-правовых институтов возмещения вреда потерпевшему и судебных расходов.

Изменения привнесло Соборное уложение 1649 г., разделив конфискацию имущества на полную, представляющую собой меру наказания, и частичную, имеющую черты иной меры уголовно-правового характера, заключающуюся в изъятии у виновного в совершении экономического преступления средств его совершения – орудий торговли у лиц, не имеющих права на ее осуществление [13].

Артикул воинский 1715 г., как и Соборное уложение 1649 г., подразделял конфискацию имущества на общую (изъятие всего имущества) и специальную (изъятие части имущества). Был расширен перечень «конфискационных» преступлений [14].

Законодательная деятельность Екатерины II явилась отправной точкой для процесса постепенного изъятия конфискации имущества из уголовного закона [11, с. 81].

Ослабление ее значения началось с ограничения применения конфискации имущества к дворянским наследственным имениям (ст. 23 Жалованной грамоты дворянству 1787 г. [15]). Александр I продолжил сокращение сферы применения конфискации имущества как наказания. Указом 1802 г. она была исключена для купцов и мещан. Отдельные авторы считают, что конфискация имущества не применялась ни к каким сословиям, обладавшим собственным имуществом, вплоть до 1826 г. [4, с. 112], иные полагают, что Указом 1802 г. Александр I фактически отменил конфискацию имущества, которая в качестве наказания не применялась до Октябрьской революции [3, с. 71].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сохранило конфискацию имущества в качестве последствия применения уголовного наказания. Утверждение оснований и порядка реализации конфискации имущества становилось прерогативой правительства (ст. 277) [16]. Количество случаев применения полной конфискации имущества резко сократилось [17, с. 106].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 20.11.1864 в ст. 2 закреплял специальную конфискацию орудий совершения преступлений и иного имущества виновного, запрещенных в гражданском обороте (запрещенные книги, поддельные деньги и др. [4, с. 112]), или вещей, специально предусмотренных законодательством к уничтожению (испорченных продуктов питания [4, с. 112]), назначаемую в дополнение к наказанию. Конфискация как вид наказания уставом не предусматривалась [18, с. 423].

Уголовное уложение 1903 г. в ст. 36 закрепляло обязательную конфискацию предметов, запрещенных в гражданском обороте. Средства, вырученные от их реализации, направлялись на устройство мест заключения. Аналогичные положения закреплялись для орудий и средств совершения преступления [19, с. 21].

Таким образом, отношение законодателя к конфискации имущества на различных исторических этапах было неоднозначным. Зародившись в качестве меры наказания, она впоследствии превратилась в симбиоз институтов возмещения причиненного ущерба и судебных расходов. На рубеже XVII в. законодатель вернул конфискации черты уголовного наказания, сконструировав институт специальной конфискации, представляющий собой прообраз иной меры уголовно-правового характера. Впоследствии роль конфискации как вида наказания была ослаблена, что сопровождалось одновременным усилением роли специальной конфискации имущества.

Следующей иной мерой уголовно-правового характера, подлежащей ретроспективному исследованию, является судебный штраф.

В договорах князей Олега (911 г.) и Игоря (944 г.) с Византией штраф являлся наказанием за нанесение вреда здоровью [20, с. 184]. Русская Правда именовала штраф вирой, предусматривая его за убийство, побои, причинение вреда здоровью, повреждение бороды и пр. [21, с. 498-511]. Финансовые санкции, возлагаемые на виновного, обладали чертами как наказания, так и мер гражданско-правовой ответственности, имеющей компенсационный характер [20, с. 184].

Анализ Судебников 1497 г. и 1550 г. свидетельствует о том, что законодатель не придавал финансовым санкциям характер уголовного наказания, они являлись гражданско-правовыми институтами возмещения вреда и судебных расходов.

Соборное уложение 1649 г. закрепляло штраф в качестве основного наказания или дополнительного к смертной казни или битью кнута. Применение штрафа являлось редкостью, что объясняется приоритетной в то время целью наказания – устрашением и стремлением оказать непосредственное воздействие на лицо.

Артикул воинский 1715 г. рассматривал штраф в качестве основного вида наказания наряду с телесным наказанием и тюремным заключением, что свидетельствует об усилении его значения как вида уголовного наказания.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. именовало штраф денежным взысканием и относил его к исправительным наказаниям (ст. 34). На наш взгляд, законодатель таким образом стремился подчеркнуть особое значение штрафа для исправления преступника, отмечая, что его главной целью являются не кара или возмездие, как это было свойственно, например, смертной казни. Новшеством являлось указание в Уложении на предназначение денежных сумм, взыскиваемых с виновного лица. Они направлялись на формирование капитала для улучшения содержания существующих и устройства новых мест заключения (ст. 45). Расширялся перечень преступлений, наказуемых штрафом.

Уголовное уложение 1903 г. именовало штраф денежной пеней (ст. 2) и устанавливало его за совершение уголовного проступка (ст. 3). Исчисление штрафа производилось в рублях и полтинах, устанавливались правила определения минимального размера штрафа в случае, если санкцией статьи его размер определен не был (ст. 24). Был введен институт отсрочки и рассрочки уплаты штрафа. Сумма денежной пени направлялась на устройство мест заключения (ст. 24). Срок для уплаты пени устанавливался в 1 месяц. В случае уклонения от уплаты штрафа он заменялся арестом. (ст. 59). Предусматривалась возможность освобождения из-под ареста при условии оплаты ранее назначенного штрафа.

Таким образом, можно сделать вывод, что досоветскому российскому уголовному праву не был известен институт судебного штрафа. Взыскание денежных средств с виновного лица на разных этапах развития отечественной системы права приобретало черты различной отраслевой принадлежности, однако не имело ничего общего с судебным штрафом в его современном понимании.

Следующей разновидностью рассматриваемых мер являются принудительные меры воспитательного воздействия.

В памятниках отечественного права периода X-XVI вв. (Русская Правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг.) отсутствуют нормы, регламентирующие особенности ответственности и наказания несовершеннолетних [22, с. 212]. Первые нормы, посвященные специальным мерам уголовно-правового воздействия на эту категорию лиц, были закреплены в Соборном уложении 1649 г. Статья 6 гл. XXII устанавливала такие меры для несовершеннолетних как «быть у отца и матери в беспрекословном послушании», «передача родителям», которые являются аналогами современной передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих.

Артикул воинский 1715 г. предусматривал передачу родителям малолетних, совершивших кражу (арт. 195). Родители имели право наказывать своего ребенка битьем лозами в превентивных целях. Возраст малолетнего не указывался. В данном случае, на наш взгляд, имела место именно принудительная мера воспитательного воздействия (аналог передачи под надзор родителям), а не наказание, что объясняется диспозитивным и максимально лояльным характером воздействия на ребенка по сравнению со смертной казнью, членовредительскими и болезненными телесными наказаниями, каторжными работами, тюремным заключением, ссылкой.

Указ от 2 мая 1765 г. устанавливал, что по преступлениям, влекущим наказание в виде смертной казни или битья кнутом, преступники до 10 лет отдаются для наказания родителям или помещику [23, с. 21-22], что оказывало педагогическое воздействие на малолетнего [22, с. 212] и имело скорее превентивный характер, нежели направленность на достижение целей наказания. Аналогичное положение впоследствии было закреплено в Своде законов Российской Империи 1832 г. За совершение тяжких преступлений малолетние доставлялись в Правительствующий сенат, который самостоятельно решал вопрос о их наказании. За совершение менее тяжких преступлений, подсудных совестным судам, малолетние до 10 лет передавались родителям, родственникам или опекунам [23, с. 22-23].

Статья 143 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривала передачу под надзор родителей или благонадежных родственников малолетних в возрасте от 7 до 10 лет, «не имеющих еще надлежащего о своих обязанностях разумения», а также малолетних в возрасте от 10 до 14 лет, совершивших преступление «без разумения», для строгого за ними присмотра, исправления и

наставления. Малолетних от 10 до 14 лет, совершивших преступление, наказуемое лишением всех прав, телесным наказанием через палачей или ссылкой на поселение, заключали в монастыри (ст. 144). Статья 148 устанавливала, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года, совершившие преступление по неосторожности, подвергаются лишь домашнему исправительному наказанию по распоряжению родителей или опекунов.

Уголовное уложение 1903 г. в ст. 40 устанавливало, что малолетние до 10 лет не подлежали уголовной ответственности. Несовершеннолетние от 10 до 17 лет, которые не могли понимать характер совершаемых ими действий или руководить ими, могли быть отданы под ответственный надзор родителям или попечителям или иным благонадежным лицам, а в случае совершения им тяжкого преступления – помещены в воспитательно-исправительные заведения (ст. 41). При наличии смягчающих вину обстоятельств арест и штраф заменялись внушением от суда (аналогом современного предупреждения), а в случае невозможности их помещения в воспитательно-исправительное заведение за совершенное преступление они могли быть отданы под ответственный надзор родителям, попечителям или иным благонадежным лицам, изъявившим свое согласие (ст. 55).

Дальнейшее развитие анализируемого института было неразрывно связано с развитием системы ювенальной юстиции. Создание института индивидуального судьи для детей [24, с. 1989], отграничение слушаний по делам несовершеннолетних от других, деятельность суда для несовершеннолетних в Санкт-Петербурге [25, с. 122] привели к тому, что на период проведения следствия дети до 14 лет могли быть отданы под присмотр отдельных лиц, старше 14 лет – на попечение учреждений. Вводились 2 меры воздействия на несовершеннолетних – ответственный присмотр и ответственный надзор. Закон не регламентировал организацию присмотра и надзора, ввиду чего на практике обе меры приобретали разнообразные формы [25, с. 124], однако зачастую ответственный присмотр состоял в передаче несовершеннолетнего, совершившего преступление в возрасте от 10 до 17 лет и действовавшего «без разума», под присмотр ответственного попечителя и лица, с которым проживает несовершеннолетний, на трех-четырёхмесячный срок. По истечении данного срока и при наличии удовлетворительного поведения несовершеннолетнего судья разрешал дело окончательно и передавал несовершеннолетнего под надзор родителя и попечителя, или одних лишь родителей, или только одного попечителя [25, с. 124-125]. Проводя демаркацию указанных мер, можно отметить следующее: ответственный присмотр представлял собой меру процессуального принуждения – период испытательного наблюдения над несовершеннолетним, совершившим преступление на стадии судебного разбирательства без вынесения приговора по делу. Ответственный надзор назначался по приговору суда и являлся уголовно-правовым последствием совершенного преступления, прообразом передачи несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа [26, с. 15]. Прекращение надзора происходило на основании судебного решения по ходатайству попечителя в случае, если дальнейшее применение меры признавалось излишней [25, с. 125].

На основании изложенного можно сделать вывод, что, несмотря на относительную незрелость принудительных мер воспитательного воздействия по сравнению с иными мерами уголовного-правового характера, процесс их регламентация, тем не менее, отличался стремительным ростом и развитием, и уже к XX в. они являли собой хоть и не обширную, но сформировавшуюся самостоятельную систему.

Последней разновидностью рассматриваемых мер являются принудительные меры медицинского характера.

Древнерусское законодательство не содержало положений о названных мерах по отношению к лицам, совершившим преступление. До XII в. законодательство не содержало упоминаний о душевнобольных [27, с. 74].

Церковный устав Ярослава Мудрого предписывал помещать душевнобольных лиц, совершивших убийство или разбой, в монастыри для «изгнания бесов». В монастырские больницы могли быть помещены лишь душевнобольные с высоким социальным статусом [28, с. 34].

Прообраз современных принудительных мер медицинского характера появляется в Стоглавом соборе 1551 г. Выделялись лица, «одержимые бесом и лишенные разума». Предусматривалась их изоляция от общества с применением воспитательных и медицинских мер. Лечебными мерами являлись религиозные обряды. Содержание в монастыре прекращалось по инициативе родственников лица или же монастырских властей, признавших его выздоровевшим [28, с. 34].

Соборное уложение 1649 г. предусматривало освобождение от уголовной ответственности психически больных, но не предусматривало их принудительное лечение. Можно лишь предположить, что подобных лиц изолировали в монастырях и проводили применительно к ним религиозные обряды [28, с. 34].

Указом Сената 1722 г. «Об отсылке беснующихся в Святейший синод для распределения их по монастырям» было установлено различное отношение к психически больным преступникам в зависимости от их личности. В отношении неизлечимых психически больных применялось помещение в монастыри с постоянным наблюдением, в отношении остальных – помещение в больницы. Роль лечения играли обряды по изгнанию бесов. Предусматривались физическая работа, а в случае «плохого» поведения – наказания [28, с. 34]. Последние, хоть и были негуманными, однако не имели ничего общего с телесными наказаниями, предназначенными для преступников, как о том пишет К.Н. Петров [29, с. 108].

В 1775 г. Екатериной II был учрежден Приказ общественного призрения – исполнительный орган, выполняющий функции изоляции и содержания психически больных, а позднее и лиц, страдающих алкоголизмом [28, с. 35]. Вызывает сомнения функционирование Приказа, так как, по словам Л.М. Бабкина, С.В. Булатецкого, О.Л. Винника, Е.А. Суслы, душевнобольные преступники содержались в Суздальском монастыре [30, с. 41]. В законе был регламентирован кадровый состав больниц и должностные обязанности персонала. Основная функция больниц – надзор за общественно опасными психически больными лицами. Созданные в составе Приказа «Дома для сумасшедших» выступали в роли психиатрических стационаров. Несмотря на это, каких-либо положений о лечении психически больных лиц в законе не содержалось [28, с. 35]. Специальным указом 1776 г. ограничивалось использование физических наказаний, вводился запрет на применение сковывающих средств в отношении психически больных лиц [28, с. 35]. Тем не менее, обращение с ними отличалось жестокостью и было направлено в первую очередь на их усмирение, а не на лечение [31, с. 276].

Указом 1801 г. «О непридании суду поврежденных в уме людей и учинивших в сем состоянии смертоубийство», Указом Сената от 1815 г. «Об освидетельствовании психически больных» душевнобольные освобождались от уголовной ответственности и помещались в дома для умалишенных [32, с. 208]. Сроки и порядок лечения не регламентировались [28, с. 35].

Свод законов Российской империи 1832 г. предусматривал освобождение от уголовной ответственности душевнобольных. В 1834 г. Решением Государственного совета был установлен порядок выписки больного из психиатрической лечебницы, обязательным условием которого являлось проведение освидетельствования. Окончательное решение о выписке принималось Сенатом. Ее порядок впоследствии был изменен Указом Государственного Совета 1835 г., которым вводились критерии экспертной оценки при проведении освидетельствования больного. В зависимости от классификации болезни определялся период, в течение которого у больного не должно быть рецидива. Он составлял от 6 недель до 2 лет. Лишь после этого лицо могло быть признано выздоровевшим [28, с. 36].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало освобождение от уголовной ответственности безумцев или сумасшедших с помещением в дом умалишенных (ст. 101). Лица, находящиеся по причине болезни в умоисступлении или беспамятстве, передавались на попечение родственникам или помещались в больницу до полного выздоровления (ст. 102).

Уголовное уложение 1903 г. не вменяло в вину преступление, содеянное лицом, которое во время его совершения не могло понимать свойства и значение или

руководить совершаемыми им действиями в силу болезненного расстройства душевной деятельности, бессознательного состояния или умственной отсталости вследствие телесного недостатка или болезни. Подобные лица в случае, если их оставление без присмотра признавалось судом опасным, передавались под опеку родителям или иным лицам, пожелавшим принять лицо на свое попечение, либо во врачебное заведение. Если лицо совершило убийство, причинило тяжкое телесное повреждение, изнасилование, поджог или покушение на любое из перечисленных деяний, передача под надзор исключалась и лицо помещалось во врачебное заведение.

Таким образом, принудительные меры медицинского характера, зародившись в XVI в., представляя собой способ изоляции душевнобольных преступников, за довольно короткий период исторического развития обрели гуманные черты, что стало причиной постепенного формирования понимания необходимости лечения душевнобольных преступников.

Таким образом, ретроспективный анализ иных мер уголовно-правового характера позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Конфискация имущества издревле известна российскому уголовному праву. Первоначально законодателем ей была отведена роль наказания, впоследствии данный институт претерпел серьезные корректировки вплоть до изменения отраслевой принадлежности. В XVII в. конфискации вновь была придана роль наказания, а в качестве прообраза иной меры уголовного правового характера была выделена специальная конфискация. Последующее развитие уголовного права привело к ослаблению роли конфискации имущества как вида уголовного наказания вплоть до ее полного забвения с одновременным усилением роли специальной конфискации имущества в правоприменительной практике.

2. Ни в одном из памятников уголовно-правового характера указанного исторического периода штраф не рассматривался в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. На разных этапах развития законодательства ему отводились роли уголовного наказания, гражданско-правовой меры возмещения причинённого ущерба и процессуального института возмещения судебных расходов. Однако каких-либо общих черт с современным судебным штрафом в ходе ретроспективного анализа выявлено не было.

3. Нормы о воспитательном воздействии на малолетних преступников появились в российском уголовном праве лишь в XVII в. Первой такой мерой, известной уголовному законодательству, является передача под надзор родителей. В XIX в. она была преобразована и стала представлять собой прообраз современной передачи несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Уголовное уложение 1903 г. расширило перечень принудительных мер воспитательного воздействия, включив в их состав прообраз современного предупреждения. Появление в России особых судов для несовершеннолетних привело к формированию новой меры – ответственного надзора – прообраза передачи несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа.

4. Появление первых норм о принудительных мерах медицинского характера в уголовном праве России относится к XVI в. Зачастую они представляли собой изоляцию больного в монастырях и проведение религиозных обрядов с целью его излечения. Последующее развитие данного института привело к изъятию надзора за общественно опасными психически больными из церковной юрисдикции с последующей гуманизацией мер, применяемых к ним. На рубеже XIX – начала XX вв. было сформировано незыблемое понимание необходимости помещения душевнобольных лиц, совершивших преступление, в больницы для проведения лечения.

Список использованных источников

1. История государства и права России: учеб. пос. / под ред. Ю.П. Титова. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 542 с.

2. История отечественного государства и права: учеб. пос. / под ред. И.А. Исаева. – М.: Проспект, 2012. – 432 с.
3. Лукашов А.И., Шевелева С.В., Яковлева Е.О. Правовая регламентация конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России и Республике Беларусь // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 70-83.
4. Олейников А.А. История становления законодательства России о конфискации имущества как уголовно-правовой меры воздействия на преступность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 4. – С. 109-118.
5. Санайлов Т.А., Кочедыков С.С., Кулакова Н.Г. Иные меры уголовно-правового характера в отечественном законодательстве: история вопроса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 1 (176). – С. 28-31.
6. Степенко В.Е., Сабирова А.И. Развитие института конфискации имущества в отечественном уголовном законодательстве // Современные проблемы уголовного права и процесса: сборник научных трудов 57 студенческой научно-практической конференции. – Хабаровск, 2017. – С. 137-146.
7. Шевелева С.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 73-84.
8. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин; под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – 430 с.
9. Судебник 1497 г. // Электронная библиотека музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13625/> (дата обращения: 21.06.2023).
10. Николаев К.Д. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Судебники 1497 и 1550 гг. // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2015. – № 4 (16). – С. 113-116.
11. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. № 72. – С. 79-90.
12. Судебник 1550 г. // Электронная библиотека музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13625/> (дата обращения: 21.06.2023).
13. Соборное уложение 1649 г. // Электронная библиотека музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13625/> (дата обращения: 21.06.2023).
14. Артикул воинский 1715 г. // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 21.06.2023).
15. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 г. // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. (дата обращения: 21.06.2023).
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб.: Типография второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1845. – 992 с.
17. Николаев К.Д. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. // Вестник Сибирского института бизнеса и технологий. – 2016. – № 4 (20). – С. 105-108.
18. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский; под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1991. – 496 с.
19. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб., 1903.

20. Макогон Л.В., Черепанова С.А. Штраф как мера наказания в истории отечественного уголовного законодательства // Совершенствование конституционной материи и защита прав граждан и юридических лиц: сборник материалов Национальной научно-практической конференции. – Чита, 2020. – С. 183-186.

21. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4 / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – 687 с.

22. Тюрина И.Н. Зарождение и эволюция принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 211-218.

23. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе. – Тип. А.М. Котомина, 1872. – 168 с.

24. Харсеева О.В. Развитие судопроизводства по делам несовершеннолетних в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9 (46). – С. 1986-1991.

25. Ширяев В.Н. Особые суды для подростков. – Типо-лит. т-ва В. Чичерин, 1910. – 40 с.

26. Бурлака С.А., Бельский А.И. Ретроспективный обзор нормативно-правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних в дореволюционной России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 11-16.

27. Иванова А.В., Товарова Е.В. История становления применения принудительных мер медицинского характера // Научная гипотеза. – 2018. – № 10. – С. 73-82.

28. Морозова М.В., Савина О.Ф., Дмитриев А.С., Винникова И.Н., Оспанова А.В., Лазько Н.В. К истории вопроса о применении принудительных мер медицинского характера в России // Психическое здоровье. – 2019. – № 2. – С. 33-39.

29. Петров К.Н. Исторические аспекты формирования института мер медицинского характера в российском уголовном праве // Закон и право. – 2019. – № 11. – С. 108-109.

30. Бабкин Л.М., Булатецкий С.В., Винник О.Л., Сусли Е.А. История возникновения принудительных мер медицинского характера и их развитие в Российской империи до 1917 года // Центральный научный вестник. – 2018. – № 7 (48). – С. 41-42.

31. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Том II. Преступление. – М.: Наука, 1970. – 516 с.

32. Смирнова А.В. Становление и развитие правового статуса душевнобольного лица, совершившего общественно опасное деяние, в Уголовном судопроизводстве дореволюционной России // Образование и право. – 2017. – № 1. – С. 206-210.

OTHER MEASURES OF CRIMINAL LEGAL NATURE: FROM OLD RUSSIAN LAW TO SOVIET LEGISLATION

Lysenko V.S.

The article considers the process of historical development of the provisions of Russian criminal law in terms of legal regulation of the institute of other measures of criminal-legal nature. In the course of studying a significant number of works of representatives of domestic criminal law and historical-legal doctrines, as well as texts of monuments of domestic law, the author comes to the conclusion about diachronic formation and development of structural elements of the analyzed institute, which is explained by differences in the priority directions of criminal law policy at different stages of historical development of Russia. As the retrospective analysis of the Russian criminal law has shown, by the beginning of the XX century some sub-institutes, which are part of other measures of criminal-legal nature, were formed and introduced into law-enforcement practice, and some of the currently existing historically acted only as a form of punishment, which is a ground for reflection on the validity of their location in the system of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: confiscation of property, judicial fine, compulsory measures of educational influence, compulsory measures of a medical nature, retrospective analysis.